

Когда Эдриан медленно открывал дверь, он молился каждой частичкой своего существа, чтобы с его родителями всё было в порядке.

Какому богу он молился, Эдриан не знал, и, честно говоря, ему было всё равно. Он просто надеялся, что он спасёт его родителей от их вероятно трагической судьбы... если бог вообще существовал.

Можно было возразить, что это была тщетная попытка... черт, даже Эдриан думал так же. Однако он, тем не менее, молился, ведь существует одна вещь, которая часто затуманивает восприятие человеком реальности.

До этого Эдриан даже не думал, что так сильно отреагирует на смерть. Как ученый, он рассматривал это просто как связующее звено круговорота жизни; это было неизбежно. Таким образом, он никогда по-настоящему не боялся смерти и всегда воспринимал это просто как часть сложного цикла, которым была жизнь.

Увы, реальность выбросила всё это в окно. Переживать, как умирает кто-то, о ком ты заботился, было не шуткой, и Эдриан вот-вот узнает это лично.

Это послужит жизненно важным уроком, который перекуёт всю его личность и сущность.

Как только Эдриан открыл дверь, его сердце упало на дно пропасти, а дыхание на мгновение остановилось.

Его голубые глаза, теперь уже не такие радужные, увидели своих родителей, лежащих на кровати и смотрящих на него со слабой улыбкой.

Рядом с ними, заложив руки за спину, серьезно стоял старик в очках с мерцающими голубыми глазами, тоже глядя в его сторону.

Да, это был Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор.

Эдриан проигнорировал старика и сосредоточил свой взгляд на своих родителях.

- Мама... Папа... - удалось ему выговорить, его голос звучал слабо и надломленно.

Перенель и Николас продолжали улыбаться ему, пытаясь хоть как-то заверить, что всё в порядке... как по-настоящему любящие родители.

Николас был первым, кто заговорил:

- Эдриан, подойди.

Без колебаний Эдриан медленно подошел к той стороне кровати, на которой лежал его отец, там же стоял и Дамблдор.

- Эдриан... - Николас вздрогнул, но сумел поднять руку, чтобы взять руку своего сына. Его рука казалась ужасно холодной, грубой и хрупкой. Это заставило глаза Эдриана увлажниться еще больше.

Серебристые глаза Николаса пристально смотрели в глаза Эдриана и, казалось, мерцали мириадами эмоций.

- Эдриан, мой сын... моя долгая жизнь и жизнь твоей матери подошли к концу.

Как только Эдриан услышал это, он больше не мог сдерживать водопад слез. Они быстро хлынули у него из глаз и пропитали одежду, сделав его более чувствительным к ощущению мертвой хватки.

Было холодно... слишком холодно и зловеще.

Николас улыбнулся, видя, как плачет его сын. Он немедленно усилил хватку на руке своего сына, что заставило Эдриана перестать плакать.

- Сынок, не грусти. Я прожил полноценную жизнь... Посмотри на меня, я улыбаюсь, видишь? - Николас попытался успокоить своего сына, и это сработало. Эдриан перестал плакать и обратил пристальное внимание на хрупкий, слабый голос своего отца.

Увидев это, Николас улыбнулся и продолжил:

- Я испытал всё, что может предложить жизнь. Я испытал страх, славу, влюбленность, войну и самое жестокое из них... время.

Сынок, мы с твоей матерью никогда не ожидали, что у нас будешь ты. Ты появился внезапно, в то время, когда жизнь твоей матери и моя жизнь начинали казаться безрадостными. Твое рождение было сродни свету, свету, который ярко осветил наши серые жизни.

Ты дал нам цель и жизнь. Ты заставил нас почувствовать, каково это - иметь ребенка. Твоя улыбка была нашей улыбкой, и она заставила нас быстро забыть, какой была жизнь до твоего рождения. Это сделало 660 лет жизни более чем стоящими того. Я бы с радостью прожил эти года снова, если бы это означало возможность еще раз увидеть твою улыбку. К сожалению, твое рождение также послужило напоминанием нам о том, как жестоко время. Это высосало из нас остатки жизни, которые у нас оставались, и помешало нам увидеть, как ты вырастешь. Судьба - жестокая штука, - сказал Николас, улыбаясь в конце. Он крепче сжал руку Эдриана и посмотрел на Дамблдора. - Сынок, Альбус будет заботиться о тебе с этого момента, пока ты не станешь достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно. Ты покинешь этот дом и останешься с ним. Я также оставил всё, что у меня есть и чем я владею, в твоём распоряжении. Альбус объяснит, когда ты достигнешь совершеннолетия, - наставлял Николас, глядя на своего сына нежными глазами. Эдриан слегка кивнул, с его лица исчезло всё счастье... как если бы печаль была единственным, что он знал.

Николас снова улыбнулся и заключил:

- Сынок, ты должен продолжать жить так, как будто ты свет. Не сбивайся с пути. Всегда помни, кто ты есть...

Когда Николас закончил говорить, Перенель слегка повернула голову, чтобы лучше видеть Эдриана. Женщина, казалось, была на грани смерти и едва могла пошевелить губами, что заставило грудь Эдриана сжаться еще больше.

Медленно ее губы начали двигаться:

- Я... люблю... тебя... - произнесла она своим слабым голосом, лишенным всякой жизни.

Эдриан чувствовал, что его слезы вот-вот вырвутся наружу, но он сдержался и оставался твердым.

Николас и Перенель улыбнулись, увидев это. Затем Николас повернулся к Дамблдору:

- Альбус, пожалуйста, позаботься о моем сыне. Присматривай за ним, направляй его и защищай его. Пожалуйста... - сказал он, пристально глядя на Дамблдора.

Дамблдор мрачно кивнул головой:

- Конечно, Николас. Я клянусь...

Николас улыбнулся и перевел взгляд на Эдриана. Он держал Перенель за руку, и они вдвоем улыбались Эдриану

- Прощай, сынок. Мы любим тебя... - сказал Николас, его голос постепенно становился слабее. Эдриан чувствовал, как хватка его руки медленно ослабевала, прежде чем рука упала на кровать.

Это случилось. Николас и Перенель закрыли глаза на вечность... чтобы никогда больше не открыться.

Эдриан просто продолжал молча смотреть на них. Единственное, что было слышно, - это скрип дверей и вой ветра снаружи. Погода, казалось, становилась всё мрачнее.

После нескольких минут этого гробового молчания Дамблдор заговорил:

- Эдриан, твои родители были прек...

- Когда похороны? - Эдриан прервал его прежде, чем тот смог закончить свою фразу.

Дамблдор выглядел слегка озадаченным. Тем не менее, он ответил:

- В эти выходные.

- Ясно, - пробормотал Эдриан.

Затем он тихо вышел из комнаты и вернулся в свою комнату, погруженный в мысли. Добравшись до своей комнаты, он лег на кровать, вздохнул и посмотрел в сторону окна, услышав характерный стук дождевых капель. Звук разнесся эхом, свирепость воющего ветра усилилась. Начали появляться грозовые тучи и осыпать землю молниями, пугая природу своим громовым ревом.

Эдриан видел Аэллу, летящую в этих грозовых тучах. Ее белые перья приобрели темно-синий цвет, а вокруг них потрескивали синие молнии. Это было так, как будто она реагировала на эмоции Эдриана.

Эдриан вздохнул и сжал кулаки, глубоко задумавшись. Единственными слышимыми звуками были звуки свирепой и ужасающей бури.

Сегодня, 24 августа 1986 года, он слышал Балладу о смерти. Балладу, полную меланхолии от тоски в ее объятиях.

Смерть никого не уважала, как только твое время подходило к концу, она подходила к тебе с распростертыми объятиями и обнимала тебя, как своего давно потерянного возлюбленного.

Когда приходит смерть, твоя судьба решена.

Такой неизбежности не могли противостоять души этого обыденного мира.

Однако, что, если душа была иного происхождения?

Можно ли бросить вызов железной воле смерти?

Действительно, это отличный вопрос.

Вопрос, ответ на который нам еще предстоит узнать...

<http://tl.rulate.ru/book/79949/2646414>